

УДК 930.2(470)

Т.К. Щеглова

МАТЕРИАЛЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ПОИСКИ ИМ МЕСТА В НАУЧНЫХ КЛАССИФИКАЦИЯХ РОССИЙСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В XX-XXI СТОЛЕТИЯХ¹

В статье ставятся вопросы развития классификаций отечественного источниковедения в контексте кризиса и перезагрузки исторической науки. Переакцентуация с глобальных процессов на человека в истории, метания отечественных историков от позитивистского подхода к синергетическому и обратно сопровождаются поиском новых источников исторической информации в соответствии с потребностями исследователей и запросами общества на результаты исторических исследований. Автор, анализируя попытки систематизации источников и развитие представлений об историческом источнике в отечественной научной практике, пытается в прошлых и настоящих классификациях найти место материалам устной истории как нового направления исторических исследований, прочно утвердившегося в международной практике во второй половине XX столетия. Обращение к этой проблеме актуализируется массовым введением устных исторических источников в исследования по новейшей истории России.

Ключевые слова: отечественное источниковедение, классификации, источники, документы личного происхождения, новейшая история России, историческая память, устная история, устные исторические источники.

T.K. Shcheglova

ORAL HISTORY MATERIALS AS A HISTORICAL SOURCE AND SEARCH FOR THEIR PLACES IN SCIENTIFIC CLASSIFICATIONS OF RUSSIAN SOURCE STUDY IN THE XX-XXI CENTURIES

The article raises the issues of development of Russian source studies in the context of the crisis and rethinking of historical science. The accents are no longer put on the global processes but on the man in history, maneuvers of Russian historians from the positive approach to the synergetic one and back are accompanied by the search for new sources of historical information in accordance with the researchers' requirements and demands of the society for results of historical research. Analyzing the attempts to systematize sources and the development of ideas about historical source in Russian scientific practice the author makes an attempt to find in past and present classifications a place for oral history materials as a new approach of historical research that is well-established in the world practice of the second part of the XXth century. The appeal to this problem is actualized by mass introduction of oral history sources into research projects on contemporary history of Russia.

Key words: Russian source studies, classifications, sources, personal provenance documents, contemporary history of Russia, oral history, oral historical sources.

Успех научных исторических реконструкций зависит от обеспеченности исследований источниками. В последних десятилетиях XX века перезагрузка российской исторической науки, ее метания от позитивизма к синергетике и в обратную сторону сопровождались источниковым голодом. Важным фактором, стимулирующим поиск новой исторической информации, являлся

запрос послевоенных обществ в России и за рубежом на «новую историю», которая помогла бы понять произошедшую масштабную катастрофу в годы Второй мировой войны. Это вылилось в ряд так называемых переворотов в мировой истории (антропологическом, лингвистическом, междисциплинарном) [1] и в возникновение новых исторических дисциплин (устная история, «история

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

повседневности», «история ментальности», гендерная история, историческая психология и др.). В совокупности происходящих изменений отражалась переакцентуация исторической науки с глобальных процессов и событий позитивистского подхода на «человека в истории» и «историю в человеке» при синергетическом подходе. Как правило, главные претензии к позитивизму и у профессиональных исследователей, и у любителей истории состоят в том, что «позитивизм в исторической науке обслуживал интересы политической истории, наиболее востребованной в XIX в. (да и в XX в. тоже) в связи с потребностью формирования национально-государственной идентичности» [2], который привел историческую науку к истории государства, а не общества.

Под влиянием новых факторов историки отходят от культа письменных документов к использованию разнообразных и по форме, и по содержанию источников. Особенно при исследованиях по истории России в XX веке, которая происходила на глазах многих живущих поколений. Большое значение на этом этапе приобретает не столько поиск в архивах новых письменных документов, сколько поиск новых источников исторической информации. Широкое применение для извлечения новой источниковой информации из исторической памяти в зарубежной исследовательской практике с 1940–50-х гг., а в отечественной с 1990-х гг. нашли подходы устной истории, которая известна за рубежом под названием *oral history* (вариант США). В соответствии с национальными традициями можно встретить и другие названия «слуховая история» (Канада), «обыденная история», «коммуникативная история»; в Германии она существует как «история повседневности». Ее большая междисциплинарная востребованность объясняется предложенными устной историей технологиями работы с исторической памятью и созданием на основе извлекаемой информации исторических источников. Процесс их создания в устно-исторической деятельности представляет собой циклы последовательной работы по созданию научно-методических материалов опроса, по проведению опроса (интервью) носителей исторической информации, документированию и архивированию извлеченной информации, а также введению новых источников в научный оборот и методике их интерпретации.

За рубежом повсеместно сформированы при университетах, а также библиотеках и архивах так называемые «устные архивы», материалы

которых активно вводятся в научные исследования. Связано это и с тем, что в зарубежной исторической практике историки менее озабочены формализацией источниковых баз, их классификациями и систематизациями. Для отечественной исторической практики при жесткоструктурированных схемах анализа источниковой базы, являющихся обязательными атрибутами исследований разного уровня – от кандидатских диссертаций до монографий, появление нового вида источника вызвало дебаты. Сдерживает в российской исторической практике на протяжении уже трех десятилетий признание материалов устной истории не только как самостоятельных, но и полноценных источников и стойкие традиции позитивизма, и инерционность мышления, базирующаяся на постулатах историографии советского периода, и ограниченность круга современных российских историков, профессионально работающих по устной истории. Многолетний авторский опыт показывает, что большинство современных историков, относящихся негативно к источникам устной истории, как правило, не знают основ устной истории как нового направления исторических исследований, ассоциируя создаваемый устным историком источник с любым другим источником устного происхождения. Именно поэтому часто ими используется термин «сбор устных исторических источников», а не «создание устного исторического источника». Усугубляет ситуацию и отсутствие профессионального сообщества устных историков России, как это существует в других странах, например, «Ассоциация устной истории США», «Общество устной истории Великобритании», «Канадская устно-историческая ассоциация» и др. Негативным фактором является и сформировавшийся вследствие этого отрыв российских устных историков от деятельности Международной ассоциации устной истории, куда входят национальные ассоциации государств Америки, Европы, Азии, Африки, Австралии.

Именно по этой причине до сих пор нет единообразия даже в названиях источников устной истории, что также ослабляет позиции устной истории, признание ее методов и источников в России. За рубежом можно встретить названия «устный источник» (*oral sources*), «устное свидетельство», «документ устной истории», «интервью устной истории», «ретроспективная документная информация», звуковая «документная информация», «звуковой документ», «аудиови-

зуальные документы». В отечественной практике историк, президент Ассоциации военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война» Е.С. Сенявская [3] предложила термин «историко-социологический источник» или «воспоминание-интервью», адаптировав практику социологических опросов к потребности исторической науки при изучении истории Великой Отечественной войны («психология войны»). Социолог Е.Ю. Мещеркина [4] также считает, что создание документа устной истории обусловлено сближением истории и социологии вокруг биографии как «центрального социального измерения прошлого (история) и настоящего (социология)», и называет его «жизненная история» (life story) или «биография». Б.С. Илизаров и М.В. Мокрова [5], профессионально занимающиеся устной историей Москвы, к документам устной истории относят записанные на звуконоситель «тексты бесед с учеными», полученные только «специально-организованными историко-научными интервью». Но ближе всех к определению источников устной истории подошли известные историки-архивисты В.М. Виноградов и В.Н. Гармаш [6], которые основным методом устной истории называют «историческим интервью», разводя историю и социологию, считая, что «для исторического интервью характерно наличие временной дистанции (она может быть весьма значительной – до нескольких десятилетий) между совершением события и моментом фиксации воспоминаний, а в социологии нет мета ретроспективности, ее источники синхронны», соответственно, «средством воссоздания действительности в социологических исследованиях выступает не память, а «сиеминутное», свежее впечатление».

Но с ростом внимания к антропологическому и историко-культурному измерению исторического прошлого в начале XXI столетия значение материалов устной истории для исторических исследований повышается. Поэтому важно определить особенности создаваемых методами устной истории источников и при традиционном внимании к структурированию источниковой базы в отечественных исторических исследованиях найти им место в источниковых классификациях. В соответствии с поставленной целью автор пред-

принимает попытку проследить развитие представлений об источниках устного происхождения в целом и материалов устной истории в частности в отечественном источниковедении, об отношении к ним, причинах признания и непризнания, достижениях и недостатках, пытается выделить этапы и подходы².

Как показывает анализ попыток структурирования источников на раннем этапе, начиная от первого издания пособия по источниковедению под редакцией М.Н. Тихомирова [7, 8], т. е. сразу, как только оно выделилось из исторической науки как самостоятельная дисциплина, произошло смешение двух понятий, которые можно обозначить как «знание» (историческая память) и «наследие» (устная народная традиция). В первом случае это устная история, ее предметом является «исторический материал, транслируемый в устное знание» [9]. «Устные знания» существуют в виде конкретного жизненного опыта, жизненной истории человека, т. е. знаний о тех реальных исторических событиях, явлениях, процессах, участником которых рассказчик был. Основатели устной истории (Колумбийский университет, США) так и определяли «устную историю» – «живая история... то, что вокруг нас. У каждого есть история, которую он бы мог рассказать. Устная история – это свидетельство из самых первых рук». Что касается «устного наследия», оно существует в разных его жанровых формах, от легенд и слухов до семейных преданий, т. е. «традиции и истории, передаваемые из поколения в поколение, из уст в уста» в разнообразных жанрах устного народного творчества. С классификации М.Н. Тихомирова (см. рис. 1) под устным источником стали связывать именно фольклорные источники («наследие»), т. к. он выделил четыре вида источников: вещественные (археологические, предметы быта); этнографические; устные (устный рассказ); письменные (памятники литературного характера, памятники актового характера). Влияние данного подхода до сих пор проявляется в смешении источников устной истории (oral history) с другими источниками устного происхождения, в том числе фольклорными. С чем часто сталкивается автор при проведении конференций по устной истории.

² Выявлены почти два десятка подходов к источникам устного происхождения в отечественном источниковедении и в предложенных классификациях Г.П. Саара, С.Н. Быковского, М.Н. Тихомирова, А.Д. Любленской, С.О. Шмидта, М.А. Варшавчика, Л.П. Красавина, С.А. Жебелева, О.А. Добиаш-Рожественской, В.И. Пичета, В.К. Яцунского, В.И. Стрельского, Р.С. Минухиной, И.В. Григорьевой, К.Д. Антадзе, С.М. Каштанова, А.А. Курносова, И.С. Смирнова, М.Н. Черноморского, И.А. Федосова, В.Т. Логина, А.П. Пронштейна, Л.Н. Пушкарева, И.Д. Ковальченко.

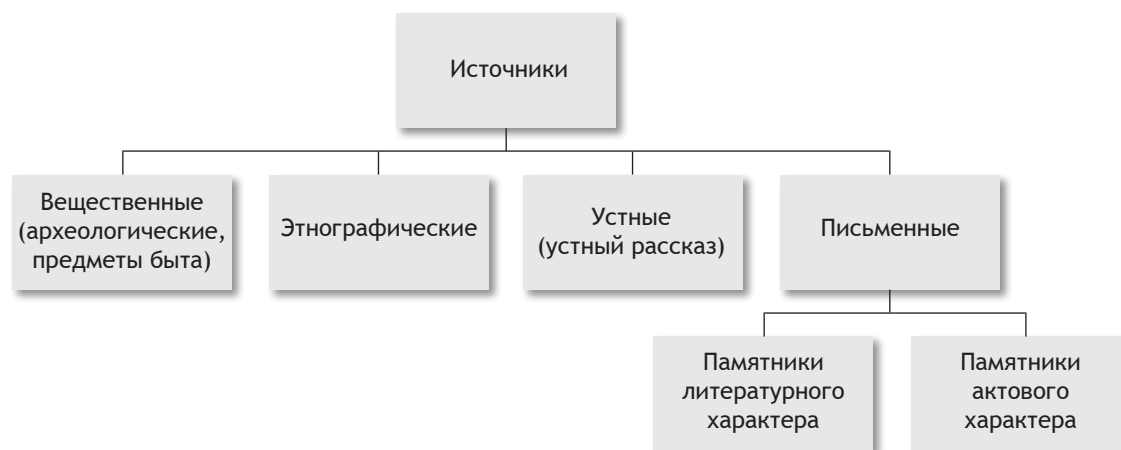

Рис. 1. Классификационная схема источников М.Н. Тихомирова

Этот подход сохранялся долго во многих других классификациях, например в классификации В.И. Пичеты и А.М. Большакова, где также выделяются устные источники как фольклорные. Не вдаваясь в подробности других классификаций, появившихся за эти годы (Л.П. Карсавин, С.А. Желбелев, О.А. Добиаш-Рождественская, Г.П. Саар, С.Н. Быковский, В.П. Данилов и С.И. Якубовская, И.В. Григорьева, Л.Н. Пушкарев и др.), необходимо отметить, что так или иначе авторы включали в свои структуры источники устного происхождения. Понимали они их по-разному и менее всего относили к исторической информации, получаемой исследователями в ходе опросов.

Такая ситуация в теоретическом источниковедении вступила уже в те годы, задолго до формирования устной истории как самостоятельной исторической субдисциплины, в противоречие с исследовательской практикой. Достаточно привести пример обширных коллекций устных исторических источников, оставшихся в виде стенограмм опросов в 1920-х гг. от деятельности Испарта, его комиссий и региональными отделениями. Они являются результатом масштабных опросов участников рабочего и революционного движения, развития фабричной промышленности и промышленных предприятий [10]. Это время использования методов устной истории в отечественной исторической практике 1920–1930-х годов стало результатом заинтересованности в «устной истории» трех коллективных участников – государства, академической науки и краеведческого дви-

жения. В создании этих документов участвовали известные историки, которые «пошли в народ» за исторической информацией к ее носителям. Среди них А.М. Панкратова, М.К. Рожкова, Н.Я. Марр, М.Я. Феноменов, А.Е. Ферсман. А М.Н. Покровским были разработаны и опубликованы научно-методические материалы о способах сбора устных свидетельств. Эти устные источники в виде стенограмм частично были опубликованы в изданиях «История пролетариата СССР»³, «История фабрик и заводов»⁴. Результаты опросов членами региональных отделений хранятся в региональных архивах. В государственном архиве Алтайского края хранятся материалы опросов членами артели «Краевед», основанной 22 декабря 1925 г., позже переименованной в Барнаульское общество ветеранов революции 1905 г.

Однако признание академической исторической наукой материалов опросов как исторических источников остановила «перезагрузка» отечественной исторической науки во второй половине 1930-х гг. И это было связано не столько с репрессиями многих историков, в том числе краеведов, активно использующих методы интервьюирования участников исторических событий для получения исторической информации, сколько со сменой методологической парадигмы. Прежде всего, с отказом от феноменологической школы А.С. Лаппо-Данилевского. «Коренной недостаток» концепции Лаппо-Данилевского, как «вершины буржуазного источниковедения», виделся в «пренебрежении объективной стороной исторического источника»

³ Периодические сборники издавались в Москве в 1930–35-х гг. Институтом истории Комкадемии. Периодичность издания – 4 сборника в год. Ответственный редактор – А.М. Панкратова.

⁴ История фабрик и заводов (ИФЗ) – название серии книг и издательства в Москве, осуществлявшего их издание в 1931–1938 гг. В редакцию входили А.М. Горький, П.П. Постышев, А.А. Андреев, Н.М. Шверник, А.В. Косарев, Л.З. Мехлис, Д.Е. Сулимов, Н.Н. Попов, А.И. Стецкий, А.М. Панкратова, В.В. Иванов, Л.Н. Сейфуллина, Ю.Н. Либединский и др. В серии «ИФЗ» более 30 книг: сборники документов, воспоминания рабочих, очерки, монографии.

[11, с. 42]. В результате отказа от идеографического подхода (индивидуализирующего подхода) и утверждения монополии номотетического подхода гегельяно-марксистского направления возобладало понятие единообразия психофизической природы человека и, соответственно, выявление объективной стороны исторического источника. Любые источники, сформированные на основе опросов, с опорой на историческую память, были отнесены к субъективным.

На этом собственно прервалась сформировавшаяся традиция определения исторического источника в широком смысле (А.В. Шестаков, Г.П. Саар, С.Н. Быковский), оставлявшая место для разновидных источников, в том числе и разного вида источников устного происхождения с опорой на память участников исторических событий. Наиболее полно позиция до номотетического подхода отражалась в определении источника известным историком Б.Д. Грековым: «это буквально все, откуда мы можем почерпнуть сведения об интересующем нас предмете». В результате «перегрузки» исторической науки 1930–40-х гг., которая фактически совпала с формированием источниковедения как самостоятельной исторической дисциплины, и создания на основе видового структурирования источников их классификации были монополизированы принципы характеристики исторических источников – достоверности и объективности. Источники устного происхождения в условиях культа письменного документа в исторических исследованиях признавались вторичными с клеймом «субъективности» и «необъективности», вплоть до 1980-х гг., в которые вершиной развития российского источниковедения в парадигме позитивизма и номотетического

подхода стала источниковая классификация И.Д. Ковальченко, который предложил структуру источников, основанную не на способах, а формах фиксации информации, выделив 4 типа: вещественные, изобразительные (художественно-изобразительные и графически-изобразительные), письменные источники и фонодокументы. Наиболее многовидовой в его классификации была группа письменных источников. «Кульм письменного источника» существенно ограничивал применение материалов по устной истории, несмотря на то, что, как показали современные исследования (В.Е. Корнеев, С.О. Шмидт, Д.Н. Хубова, Т.К. Щеглова, М.Ф. Мокрова), опросные технологии реализовывались в отечественной практике и в последующие годы [10; 12; 13, с. 1; 14; 15, с. 98; 16]. Достаточно привести устно-исторический проект, реализованный в годы Великой Отечественной войны, когда сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны [17], состоящей из известных академических историков, совершили очередное «хождение в народ»⁵. Это были группы профессиональных историков, отправившихся на фронт для аудиозаписи воспоминаний о боевой и повседневной жизни солдат [18].

В 1970-е гг. появилось понятие «устные свидетельства». Оно стало применяться не к продуктам устного народного творчества (фольклору), а к записанной на аудионоситель информации об исторических событиях [19, с. 14]. Об этом говорит классификация В.Т. Логиной (см. рис. 2), который ввел термин «устные свидетельства очевидцев событий», которые как источники «в устном виде сохраняются непродолжительное время и после выявления исследователем фиксируются в виде письменной или магнитофонной записи» [19, с. 14].

Рис. 2. Классификационная схема источников В.Т. Логиной

⁵ Во главе комиссии стояли профессор, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров и член-корреспондент АН СССР (позднее академик) И.И. Минц. Сотрудниками Комиссии были Г.А. Богуславский, Э.Б. Генкина, И.М. Разгон, А.Л. Сидоров, П.М. Федосов и др. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы также при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. В 1943–1944 гг. такие комиссии были созданы в освобожденных районах.

Новационным было выделение фонодокументов в отдельный тип источников, что закрепило на определенное время включение документов устной истории как записанных на носитель материалов интервьюирования участников устной истории. Более позднее выделение этого вида документа связано было с тем, что в нашей стране практика устной истории не всегда была связана с использованием звукозаписи. Первые магнитофоны в СССР были студийными и использовались с 1946 г. в радиовещании. С 1948 г. на ряде предприятий началось изготовление и бытовых магнитофонов, но в силу своих размеров они были еще неприменимы для портативного использования [20]. Именно использование звукозаписи для фиксирования информации привело к появлению нового специфического источника – фонодокумента. И уже с 1960-х гг. работники центральных государственных архивов кинофотофонодокументов СССР и БССР делают совместную попытку привлечь внимание историков к этому специфическому виду документов [21, 22]. В публикациях архивистов рассматривалась специфика сбора и хранения фонодокументов и обращалось внимание на то, что в источниковедческой литературе и в учебном курсе по источниковедению в Московском государственном историко-архивном институте о кинофотофонодокументах даже не упоминается. Лишь в 1970-е гг. пришло признание кинофотофонодокументов как специфического исторического источника. В публикациях о принципах работы с ними обозначался ряд проблем устной истории: текстология фонодокумента, его авторство, проблемы классификации источников

по устной истории и разницы между устной речью и записанным словом.

Но первыми, кто поставил вопрос о материалах устной истории как одном из самостоятельных источников со своими особенностями, создаваемых методом интервьюирования участников исторических процессов в соответствии с технологиями oral history, стали историки-архивисты. Именно они стали первыми популяризаторами устной истории как «oral history» в России и употребили понятие «устный исторический источник» [23]. Более того, именно в главном архивном институте СССР – МГИАИ (Московский государственный историко-архивный институт) еще в 1950-е гг. была разработана классификация, включавшая выделение устных источников как самостоятельных продуктов «oral history», а не фольклорных. Фактически программа курса по источниковедению 1950 г. была первой после А.С. Лаппо-Данилевского детально разработанной классификацией источников по содержательному принципу. И в следующую программу по источниковедению (1954 г.) в основу лег принцип кодировки информации в источнике: письменные, вещественные, этнографические, устные, лингвистические, кинофотофонодокументы. Схема деления источников на 6 типов закрепились в отечественной исторической науке. Неслучайно после 1985 года именно в стенах МГИАИ (до того, как он вошел в новационный университет РГГУ) была создана первая в России лаборатория устной истории (Д.Н. Хубова) [16] и защищены диссертации с включением оценок устной истории и ее источников [9, 16, 17, 24].

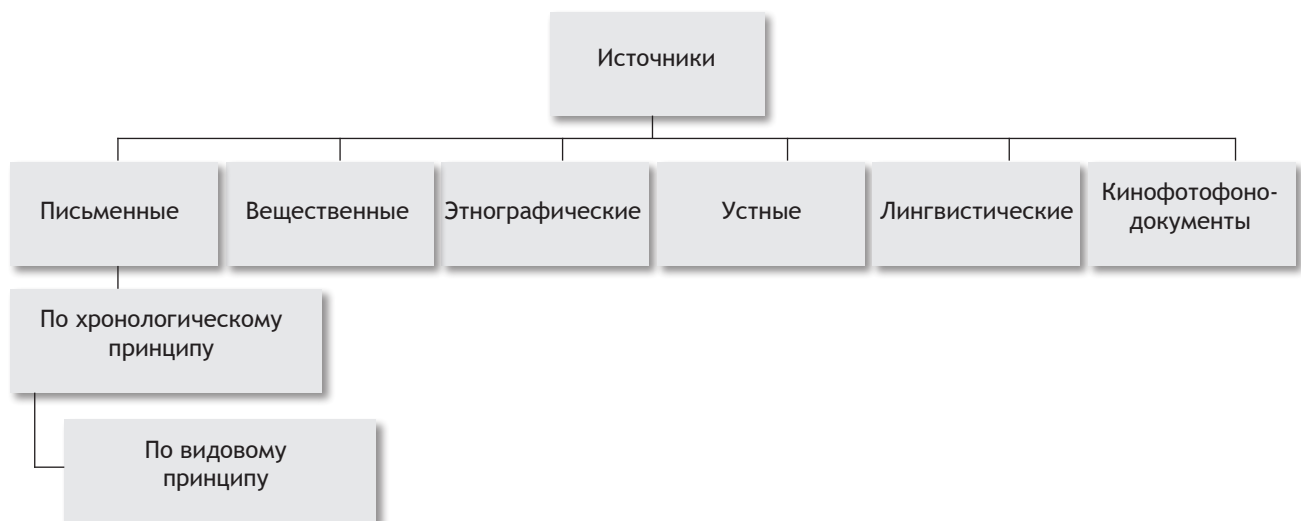

Рис. 3. Классификационная схема источников кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (Московского государственного историко-архитектурного института), построенная по видовому принципу

Но в исторических работах этого времени данная классификация относительно источников устного происхождения была мало известна, т. к. устная история была не институализирована в России так, как это произошло за рубежом. Более популярен был подход Н.И. Вартаньяна, сформулированный им в известном методическом пособии «Публикация мемуарных источников», ссылаясь на которое многие историки материалы интервью стали относить к группе мемуаров – с общим названием «мемораты» (на современном этапе этому названию созвучно использование название материалов устной истории как «нарративы»). Основанием к этому стало четкое выделение Н.И. Вартаньяном самостоятельного подвида – «устных воспоминаний», собранных с помощью интервью с применением вопросников – это и стенограммы, и звукозаписи, сделанные вторым лицом. Историк включил их в группу источников «мемораты» [25]. Примером смешения источников устной истории и мемуаров является единственное пособие по источниковедению новейшей истории России [26], в котором авторы пишут: «Разновидностью мемуаров являются рассказы о прошлом, записанные «расспросчиками»⁶ от руки или с помощью диктофона». Хотя на других страницах авторы противоречат сами себе, указывая, что в издании писателя и поэта Ф. Чуева «140 бесед с Молотовым» «совершенно невозможно отделить, где Молотов, а где Чуев, тем более что последний фактически диктовал Молотову направленность и характер их содержания» [26, с. 177], по сути, констатируя отличия мемуаров и материалов интервью. Собственно, как и существует колоссальная разница между материалами устной истории и воспоминаниями. Хотя известна попытка Е.С. Синявской соединить в одно материалы интервью с воспоминанием, как «воспоминание-интервью», относя их к разновидности «мемуаристика». В классическом словарном определении указано, что мемуары – это «записки, литературные воспоминания о прошлых событиях, сделанные современником или участником этих событий», а воспоминания – «записки или рассказы о прошлом» [27].

Историки, профессионально занимающиеся устной историей, особенно историки-архивисты, считают, что трудно согласиться с тем, что стенограмма или звукозапись, сделанные вторым лицом

(интервьюером), являются мемуаристикой. Хорошо эту позицию аргументировали В.М. Виноградов и В.Н. Гармаш: «Мемуары и устная история функционально ориентированы на решение различных задач. Воспоминания появляются на свет в результате потребности мемуариста в самовыражении, самосознании и самоутверждении себя как личности. Мемуары не предназначены для использования их в качестве исторических источников. Во всяком случае эта задача не является определяющей и не оказывает существенного влияния на организацию материала. Историческое интервью... изначально ориентировано на функции исторического источника. С одной стороны, здесь особая роль принадлежит организатору опроса. Это отражается на структуре и самом содержании устных свидетельств... взгляды, позиции, цели, системы ценностей авторов программ входят в качестве дополнительного субъективного фактора в процесс фиксации воспоминаний... Историческое интервью, с другой стороны, использование в достаточной степени формализованных правил, принципов и способов сбора устной информации (заимствованных главным образом у социологов) снижает субъективизм полученных данных. Тем самым возникает возможность получения большей репрезентативности, устойчивости и достоверности информации» [6, с. 3–4].

В условиях перезагрузки исторической науки на рубеже 1980–1990-х гг., сформировавшийся заказ общества на новые исторические реконструкции, когда в центр гуманитарного познания поставлена человеческая личность, одной из главных задач отечественного источниковедения стали поиск новой источниковой информации по новейшей истории России и выявление носителей исторической информации. За такими источниками всегда стоит человек как участник исторических событий, с его восприятием действительности и оценками субъективного характера и прямо от него исходящими. Эти факторы привели к утверждению в научной практике российских историков нового направления исторических исследований – устной истории в ее зарубежном варианте – oral history. Вопрос о характере и месте материалов устной истории до сих пор находится в стадии обсуждения.

С одной стороны, по инерции историки ищут место им в соответствии с характером информации – письменные или устные. И часть историков,

⁶ Расспросчики, рассказчики и стенография вместо звукозаписывающей аппаратуры, это терминология устно-исторической практики 1920-х гг.

по той причине, что «устный источник» долгое время использовался в фольклористике, лингвистике, этнографии для более узкого обозначения памятников устного народного творчества, относят любую устную традицию к сфере мифологии и фольклора. Любые источники устного происхождения до сих пор полагаются ими мифологичными, что ведет к устойчивой «резкой и четкой оппозиции» мифа к знанию, «оппозиции письма и устности» «книжной и народных культур»... достигшего отрицания академическими историками устного источника в XX веке» [9].

Вместе с тем отметим, что более успешными попытками в последнее время стали привязки материалов устной истории к таким свидетельствам о прошлом, как источники личного происхождения, которые объединяются источникововедами в отдельную группу носителей исторической информации и которые предоставляют исследователю прошлого ту информацию, которую не может дать исторический источник официально характера. В российской исторической науке вопрос об источниках личного происхождения активно обсуждается с конца XIX столетия. Как правило, в эту группу, которую часто объединяют под названием «мемораты» или «нарративы», включали дневники, переписку, мемуары, авто-

биографии и др. Но на современном этапе в условиях поиска новых источников исторической информации документы личного происхождения не охватывают всего многообразия источников и способов получения исторической информации, поэтому появляются многосмысловые названия источников, например «другие свидетельства «человека во времени»».

В последнее время стала утверждаться версия о группе источников под названием «эго-документы», являющиеся «изобретением западных историков» [28], куда историки пытаются включать и материалы устной истории. Выходом из сложившейся ситуации неопределенности и поиска места материалам устной истории в упорядоченных структурах источниковой базы может быть создание нового типа источника в системе классификации. Поиск этого места осложняет отсутствие организационной структуры устной истории России, спорадичность исследований по устной истории, немногочисленность центров устной истории, т. е. отсутствие той научной платформы, которая могла бы консолидировано сформулировать подходы, предложить согласованное определение материалам устной истории как источникам и соотнести их с предложенными классификациями источниковых баз.

Библиографический список

1. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина ; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. — Москва : ИВИ, 1998. — 282 с.
2. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцев. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 685 с.
3. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке : Исторический опыт России / Е. С. Сенявская. — Москва : РОССПЭН, 1999. — 382 с.
4. Устная история, биография и женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. — Москва : Невский протоп, 2004. — 270 с.
5. Мокрова, М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / М. В. Мокрова ; Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. — Москва, 2004. — 30 с.
6. Устная история в зарубежных архивах : Зарубеж. опыт : Аналитический обзор / сост. В. М. Виноградов, В. Н. Гармаш. — Москва : ВНИИДАД ОЦНТИ, 1988. — 52 с.
7. Источниковедение истории СССР : учебник для исторических факультетов университетов и педагогических вузов / под ред. С. А. Никитина : в 2 т. — Москва, 1940. — Т. 2. Источниковедение истории СССР. XIX в. (до начала 90-х годов). — 227 с.
8. Источниковедение истории СССР : учебник для исторических факультетов университетов и педагогических вузов / под ред. М. Н. Тихомирова : в 2 т. — Москва, 1940 — Т. 1. Источниковедение истории СССР, с древнейших времен до конца XVIII в. — 495 с.
9. Хубова, Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. Н. Хубова. — Москва, 1992. — 34 с.
10. Щеглова, Т. К. Устная история (Oral history) в российской исторической практике 1920–1930-х гг.: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории / Т. К. Щеглова, Д. А. Дрожжецкий // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. — Барнаул, 2014. — № 4/2. — С. 254–260.
11. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. — Москва : Наука, 1975. — 282 с.

12. Корнеев, В. Е. Устная история в 1920-е гг. / В. Е. Корнеев // Источниковедение XX столетия : тезисы докладов и сообщений. — Москва : РГГУ ИАИ, 1993. — С. 75–77.
13. Хубова, Д. Н. Устная история «Verbavolant» : методическое пособие / Д. Н. Хубова. — Москва, 1997. — 64 с.
14. Мокрова, М. Ф. «Устная история» и источниковедение истории науки [Электронный ресурс] / М. Ф. Мокрова // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. — Электрон. дан. — Санкт-Петербург, 1999. — Режим доступа: <http://www.ihst.ru>, свободный.
15. Шмидт, С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. — Москва, 1997. — 612 с.
16. Щеглова, Т. К. Становление и развитие российской устной истории (oral history) в 1980–2010-е годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории / Т. К. Щеглова // Устная история (Oral history) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве : сборник научных статей / Алтайский государственный педагогический университет ; отв. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул, 2017. — С. 60–106.
17. Альтман, М. М. Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне (из опыта работы ЦГА СССР и Государственных архивов Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 05.25.02 / М. М. Альтман. — Москва, 1992. — 28 с.
18. Курносов, А. А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР. Организация и методика собирания / А. А. Курносов // Археографический ежегодник за 1973 г. — Москва, 1974. — С. 118–132.
19. Логин, В. Т. Военно-исторические источники, их классификация и принципы исследования / В. Т. Логин. — Москва, 1971. — 240 с.
20. Мокрова, М. В. «Устная история» и источниковедение истории науки / М. Ф. Мокрова // Материалы к заседаниям Летней школы «Источник в работе историка науки» 4-5 июня 2001 г. — Москва, 2001. — С. 2–5.
21. Кинофотофонодокументы — ценный исторический источник // Вопросы архивоведения. — 1962. — № 2. — С. 54–64.
22. Кривошеина, Л. Н. Об использовании кинофотофонодокументов / Л. Н. Кривошеина, И. С. Фесуненко // Вопросы архивоведения. — 1963. — № 1. — С. 25–35.
23. Кузнецова, Н. П. «Устная история» в практике работы зарубежных архивов / Н. П. Кузнецова, В. М. Суринов // Советские архивы. — 1980. — № 1. — С. 73–76.
24. Щеглова, Т. К. Устная история в российской исторической практике: опыт и значение / Т. К. Щеглова // Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии : сборник статей международной научной конференции (1 ноября 2018 г., г. Ташкент). — Ташкент, 2019. — С. 48–66.
25. Вартаньян, Н. И. Публикация мемуарных источников : методическое пособие / Н. И. Вартаньян. — Москва, 1972. — 131 с.
26. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика : учебное пособие для студентов вузов / А. К. Соколов и др. ; под ред. А. К. Соколова. — Москва : Высшая школа, 2004. — 687 с.
27. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс] // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — Электрон. дан. — Москва, 2003. — 2 электрон. опт. диска (CD-ROM).
28. История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург : Изд-во «АспУр», 2014. — 368 с.